

Элита, лидер, народ в современных развитых государствах: опыт рационального анализа иерархии власти¹

Шатилов Александр Борисович

Канд. полит. наук, декан факультета социологии и политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ

E-mail: absh71@yandex.ru

В статье, написанной в духе Realpolitik, поднимается один из наиболее острых вопросов современной политической жизни в развитых странах мира, а именно вопрос об иерархии власти, о формальных и неформальных отношениях в рамках «треугольника» элита-лидер-народ. Автор доказывает, что на рубеже XX–XXI вв. властная инициатива окончательно перешла под приоритетный контроль элитных сообществ, а национальные лидеры и население стали играть вспомогательную роль в политической системе. Так «первые лица» являются разве что модераторами внутриэлитного пространства на правах обладателя «блокирующего пакета акций» и фактически лишены волюнтаристских возможностей в своей деятельности, а население, несмотря на формальное существование демократических режимов, является откровенным «миноритарием» и чаще всего выступает в качестве политической массовки. Одновременно рассматривается вопрос о том, каким образом элите удастся обеспечивать сдерживание активности политических лидеров и гражданского общества.

Ключевые слова: элита, политический лидер, народ, государство, демократия, власть, социально-политическая иерархия.

Elite, Leader, Nation in the Modern Developed Countries: Attempt of Rational Analysis of the Power Hierarchy

Aleksandr B. Shatilov

Ph.D. (Political Sciences), Professor, «General Political Science» Department, Dean of the Faculty of Sociology and Political Science, Financial university under the Government of the Russian Federation

E-mail: absh71@yandex.ru

The article written in the Realpolitik-style raises one of the most thorny issues in the modern political life of the developed countries, the issue of the power hierarchy, the formal and informal relations in the «triangle»: elite – leader – nation. The author argues that at the turn of XXI century the power initiative came under the control of the elite communities, and national leaders and population took a complementary role in the political system. So the State officials are only moderators within elite as the holders of the controlling block of shares and in fact do not have «voluntarist» possibilities in their actions, and population in the formal democratic countries is an outright «minority» and acts as political extras. At the same time the article deals with elite holding the activity of the political leaders and civil society in check.

Keywords: elite, political leader, nation, state, democracy, power, socio-political hierarchy.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-02-00080а — «Модель регионального инновационного кластера в условиях неопределенности рынка, особенностей экономической и социальной политики государства».

Иерархия власти в современных развитых государствах за последнее столетие претерпела существенные изменения.

В начале XX в. в большой политике наблюдался симбиоз лидерского и охлократического начал, что породило феномен тоталитарных политических режимов, в рамках которых популистские лидеры, опираясь на поддержку народных масс, жестко подчиняли себе элиту и диктовали ей свои условия вполне волюнтаристски. Причем, как известно, этот формат взаимодействия лидера и элиты был реализован не только в пост самодержавной России с ее традиционными «царистскими иллюзиями», но и во вполне цивилизованных государствах Европы. Причем помимо Германии и Италии вполне можно вспомнить и другие, менее «брутальные» околототалитарные практики Ф.Франко в Испании, А. Салазара в Португалии, Й. Тисо в Словакии, К. Ульманиса в Латвии, Ю. Пилсудского в Польше и др. Зачастую в научной литературе их «деликатно» называют авторитарными, однако сама схема взаимодействия этих лидеров с элитой и охлосом была вполне схожей с итальянскими и немецкими «коллегами».

И если подобная схема власти в «мобилизационные» 1920–1930-е гг. вполне поддерживалась снизу, то истеблишмент, привыкший к гораздо более корректному обращению в прежние годы (даже в рамках монархических государств), весьма негативно воспринимал ее, стремясь по возможности освободиться от власти «вождей». Особенно тревожила элиты склонность тоталитарных и авторитарных руководителей к кадровым чисткам, которые, несмотря на «перегибы» и влияние личностного начала в целом были необходимы лидерам, с одной стороны, для поддержания управленческой эффективности вертикали власти, а с другой — для подстраховки от внутриэлитных заговоров и мятежей.

Однако после Второй мировой войны политическая конъюнктура стала меняться в пользу элит. Во-первых, вскрывшиеся преступления нацизма и фашизма во многом скомпрометировали саму идею неограниченной и неконтролируемой власти лидеров. Во-вторых, начавшаяся Холодная война в силу своей «гибридности» требовала от руководителей стран более стратегического подключения к управлению представителей истеблишмента. Что, в свою очередь, порождало постепенное сосредоточение аппаратных, силовых, информационных и материальных ресурсов в руках элиты и, соответственно, размывание единоличной власти вождей, президентов, премьер-министров и иных управленческих персон.

Более того, уже с 1950–1960-х гг. элитам удается навязать лидерам паритетное распределение властных полномочий, что фактически лишило последних единоличного права на популизм и общение с массами. Отныне элита становится важным буфером между главой государства и населением, фактически исключая прямое общение между ними. Те же из лидеров, кто пытался сохранить такую возможность и не прислушивался к «голосу элиты», либо отстранялись от власти, либо устранялись иным способом (так, например, «внутриэлитный след» явно присутствует в обстоятельствах смерти И.Сталина и Дж.Кеннеди¹).

1970–1980-е гг. являются временем стратегического перехода контроля над властью в ведущих странах мира в руки элитных групп, совокупность которых и составляет национальный истеблишмент. Более того, уже тогда начали формироваться и наднациональные элитные объединения. С одной стороны, это было обусловлено процессами международной политической, социально-экономической и технологической унификации (позже получившей название глобализации), с другой — объективными интересами наиболее статусных представителей национальных элитных сообществ, которым становилось «тесно» в собственных границах. Кстати, такого рода наднациональные объединения элиты в современной политологии (как западной, так и отечественной) почти не рассматриваются, более того, их наличие пытаются демонстративно замалчивать, фактически отдавая эту тему в руки профессиональных искателей всемирного заговора, которые, в свою очередь, формируют нездоровую конспирологию. И это не правильно с научной точки зрения. Хотя тема наднациональных элит весьма деликатная и закрытая, тем не менее, отрицать тот факт, что сильные мира сего периодически собираются и обсуждают (в разных форматах) тенденции и перспективы глобального развития, значит противоречить конкретным реалиям современной политики [1, с. 176–177].

Но вернемся к внутривластным властным раскладам. Как уже говорилось выше, с 1970–1980-х гг. элитные группы заняли высшую ступень политической иерархии, хотя формально никто не отменял существенных властных полномочий первых лиц государства. Другое дело, что последние были сильно ограничены в своих реальных правах и нередко являлись марионетками в руках ведущих элитных сообществ. Например, президенты США Р.Рейган и Б.Обама, не являясь выходцами из «топовой»

¹ <http://smi2.ru/blog/43132290473/Valentin-Zorin:-%C2%ABSilji-stoyaschie-za-ubiystvom-Kennedi,-i-segod>

американской элитной среды были допущены во власть лишь с тактической целью — продемонстрировать населению, что любой американец (будь то голливудский актер или афроамериканец) может занять высший пост в стране. Это хорошо работало в пропагандистском плане и поддерживало традиционный миф «американской мечты». В то же время, в конце XX–начале XXI вв. в развитых странах чаще всего лидеры выдвигаются из числа представителей респектабельного истеблишмента, чтобы перестраховать риски несистемного поведения первых лиц.

В 1980-е гг. элиты настолько укрепили свои позиции, что стали претендовать на абсолютный приоритет в выборе государственного курса. Так в СССР реформаторская часть советского истеблишмента, заинтересованная в рыночных изменениях, сперва провела на высшую должность в административной иерархии своего лидера М.С. Горбачева, затем его руками инициировала проект «Перестройки» — кардинального переформатирования советской политической и экономической системы, а в 1991 г. «подвинула» Горбачева с поста руководителя государства в пользу более предсказуемого и радикального Б.Н. Ельцина. Справедливости ради надо отметить, что, получив власть и собственность, постсоветский истеблишмент в 1999 г. совершил «рокировку», поменяв Ельцина на сторонника стабилизации и «управляемой демократии» В.В. Путина.

В то же время не стоит совсем уже списывать со счетов национальных лидеров. Их сила и влияние определяются расколотостью, а то и размытостью современного правящего класса. Если в элите на какой-то период нет консенсуса, у первых лиц появляются хорошие возможности поиграть на противоречиях конкурирующих элитных групп и тем самым ослабить их контроль над властным полем. В этом случае национальный лидер становится обладателем если не контрольного «пакета властных акций», то, по крайней мере, держателем «блокирующего пакета», который позволяет ему быть «главным акционером» и модератором элитного пространства. При этом, обладая даже такими весомыми полномочиями, лидер не может бросить вызов всей элите и вынужден лавировать между интересами разных элитных сообществ.

Примечательно, что при анализе ресурсного потенциала, которыми владеют элита и лидер, очевидно, что в руках истеблишмента находятся наиболее оперативные полномочия и функции, прежде всего, материальные, информационные, нормативные и креативно-идеологические. То есть практически все те, которые являются повседневными и самыми

востребованными. Под контролем же лидера государства (даже в рамках президентской и полупрезидентской республики) находятся в основном ресурсы чрезвычайные и силовые, которые он может использовать только в «час X», да и то в весьма ограниченном режиме. Ведь сложно представить, что президент цивилизованной страны в начале XXI в. в ответ на «подковерные» маневры элитных групп вдруг прибегнет к массовым расстрелам представителей правящего класса. Даже в прошлом столетии подобные репрессивные действия воспринимались обществом неоднозначно, что же говорить о современных развитых странах с их массовыми идеалами демократии и прав человека.

Более того, национальная элита пронизывает практически всю вертикаль власти, а также контролирует, если использовать марксистский термин, «надстройку» общества через вспомогательные субэлитные группы. Так, например, «экспертократия» [2], «креаклы» [3] и СМИ [4] позволяют элитам не просто донести до населения какую-либо информацию, но и подать ее убедительно, сформировав необходимое общественное мнение. Крупный бизнес формирует тактическую экономическую конъюнктуру и обеспечивает необходимые балансы в повседневной экономике. Бюрократия же способна обеспечить динамику или застой в продвижении тех или иных инициатив, в том числе, главы государства, что также обеспечивает сдерживание активности первого лица.

Соответственно, лидер просто вынужден «дружить» с элитой, по крайней мере, с ее наиболее влиятельными кланами. Но даже в этом случае диапазон действий у него ограничен. Глава государства не может сделать ставку лишь на одно элитное сообщество, подавив при его помощи остальные группы в истеблишменте. Во-первых, для подобной «большой игры» просто может не хватить совокупного ресурса (вполне может оказаться менее 50% властных «акций») и тогда лидер будет «поставлен на место» победителями (вплоть до его физической нейтрализации). Во-вторых, даже в случае победы альянса лидер + одна элитная группа, глава государства не станет единоличным правителем, а с огромной долей вероятности попадет в полную зависимость от своих партнеров, которые будут регулярно попрекать его предоставленной помощью, а альтернативы для игры на внутриэлитных противоречиях у него уже не будет.

Все это предопределяет системность действий национального лидера в рамках властного «акционерного общества» и его роль куратора и «разводящего» по отношению к элитным группам.

Еще более запутанными и непростыми в современных развитых государствах являются отношения элиты с народом. Если лидер и элита делят основной пакет властных «акций», то граждане, даже в условиях формальной демократии, остаются бесправными меньшинствами, обладающими разве что электоральным правом голоса, который зачастую нивелируется «обработкой» СМИ и прямыми выборными подтасовками. Кстати, как показывает практика, в современных европейских государствах манипулировать голосами избирателей еще проще, чем в условиях авторитарной Белоруссии и управляемой российской демократии. Дело в процедурных моментах и электоральной доверчивости «классических» европейцев, которые за тучные десятилетия спокойной и обеспеченной жизни практически отучились бороться за свои права. Так, например, на референдуме о выходе Шотландии из Великобритании, проводившемся вразрез с интересами ведущих элитных групп, на некоторых избирательных участках пометки в бюллетене проставлялись обычным карандашом, что, например, в России категорически запрещено. А на выборах президента Австрии в 2016 г., где существовала опасность прихода на данный пост несистемного политика Н. Хофера из Партии свободы, был осуществлен вброс бюллетеней якобы от лица граждан, голосовавших по почте² (правда, позже Хоферу удалось обжаловать результаты выборов в Верховном Суде и добиться проведения третьего тура). Кстати, для исключения подобных эксцессов (имеется в виду разоблачение подтасовок) в большинстве стран современного Запада элиты лоббируют переход на дистанционное голосование через сеть Интернет, что позволит им при помощи компьютерных технологий практически беспрепятственно корректировать народное «волеизъявление». В частности, по словам специалиста в области электоральной информатики Ю.В. Митяевой, «голосование через интернет-ресурсы давно применяется в США, Великобритании, Канаде, Эстонии, Швейцарии, Австралии и т.д. Практикуется несколько видов электронного голосования: голосование с помощью социальной карты, голосование с помощью мобильного телефона (Великобритания), голосование с использованием дисков для электронного голосования (Канада, США, Эстония), электронное голосование с использованием ID-карт (Швейцария)»³.

Тем не менее «коренное» население, объединенное в рамках гражданского общества, все равно является

беспокоящим фактором для элит в силу своей приверженности классическим демократическим традициям и свободам. Кроме того, среднестатистический гражданин развитой западной страны является еще недостаточно управляемым в силу своего устойчивого материального положения, хорошего образования и наличия профессионального статуса (что придает ему уверенности и политического апломба). Соответственно, с целью обеспечения большей управляемости общества элиты в последние годы пытаются вести активную «игру» на размывание и ослабление гражданских обществ в своих государствах. Причем достигается это несколькими путями.

Во-первых, через разрушение традиционных ценностей. Чем более пестрым и разнородным является общество в политическом, социальном, идеологическом и мировоззренческом планах, тем более оно конфликтно и неконсолидировано. А это в эпоху развития СМИ и технологий воздействия на массовое сознание дает элитам возможность перманентного манипулирования обществом, а также эффективного маневрирования даже в условиях низкого уровня доверия граждан к власти. В этом плане можно вспомнить хотя бы период 1992–1998 гг., когда российский истеблишмент за счет раскола общества сумел удержать под контролем политическую ситуацию при минимальных рейтингах главы государства и правящего класса. И вообще с точки зрения элиты, «Идеальная масса — это та, где максимально сокращен зазор между сигналом (приказом) и действием. Где нет пространства «черного ящика», в котором полученное послание может быть как-то искажено или переработано. Это полное отсутствие субъективности (в смысле ответственности, свободы, разума)» [5, с. 69.].

Во-вторых, продвижение в обществе идеологии (культы) потребления. Разжигая материальные аппетиты граждан, элиты получают дополнительные возможности для того, чтобы деконсолидировать общество на основе конкуренции за блага. При этом очевидно, что большинство населения так никогда и не приобщится к «красивой жизни» сильных мира сего, однако, ускользающий идеал является мощным стимулом для сраживания различных социальных слоев в интересах правящей элиты. Более того, по мнению некоторых политологов, «общество потребления повышает уровень жизни — но только не широких масс населения, а исключительно элиты общества»⁴.

² http://www.bbc.com/russian/international/2016/06/160608_austria_freedom_party_challenge

³ <http://www.rcoit.ru/technologies/detail.php?ID=17065>

⁴ <http://matveychev-oleg.livejournal.com/1536221.html>

В-третьих, гражданское общество ослабляет и неравномерный доступ к образовательным ресурсам. Дело в том, что, несмотря на декларируемый принцип «демократизации» образование, большинство элитных вузов мира являются по большей части кастовыми и аристократическими, дорога в которые закрыта простолюдинам [6, 7]. И это не говоря уже о существовании на Западе целой системы закрытых (в том числе, частных) элитных колледжей и университетов (взять хотя бы парижскую SciencesPo, которая является «кузницей» французских и *профранцузских политических элитарных кадров*).

В-четвертых, в целях манипулирования традиционным гражданским обществом, западные элиты в начале XXI в. пошли на существенные риски. С одной стороны, они открыли дорогу легальной и нелегальной миграции из стран третьего мира (причем, преимущественно, инокультурной), а с другой — внутри собственного гражданского общества они стали создавать зависимые слои — в этом плане примечателен новый класс, так называемый «прекариат» (от английского слова «ненадежный»). Он включает в себя ту часть общества, для которой характерны неопределенные и случайные финансовые и профессиональные перспективы [8]. Исходя из этого, к прекариату могут быть отнесены и частично занятые, и мигранты, и творческие работники, и фрилансеры, и студенты, и работающие по краткосрочным контрактам⁵. Конечно, такая политика является весьма опасной — мигранты могут за счет пассионарности и консолидированности не ограничить, а в принципе поднять под себя западные гражданские общества, а прекариат взбунтоваться и выйти из-под контроля в случае резкого ухудшения своего социально-экономического

положения, однако, судя по всему, консолидированное и отмобилизованное «коренное» население представляется элитам гораздо менее управляемым и слишком строптивым. «Размыв» же гражданские общества, элиты предполагают править по принципу «разделяй и властвуй», используя весь спектр властных ресурсов (информационных, материальных, социальных, нормативных и пр.) для манипулирования социальными сегментами.

Кстати, интеллектуально дезориентированное и социально разобщенное население правящий класс нередко использует в своей борьбе против национальных лидеров в качестве массовки или даже «ударной силы». В частности, тут уместно вспомнить украинский Майдан № 2, протестный потенциал которого местные политические и бизнес-элиты использовали для свержения утратившего их «доверие» В. Януковича⁶.

Таким образом, можно констатировать, что в ведущих современных государствах, несмотря на распространенность идеалов демократии и весомые полномочия первых лиц, реальная власть принадлежит топ-элите, которая держит основной «пакет акций» в политической системе. Национальные лидеры, даже авторитетные и волевые, являются держателями максимум блокирующей части «акций», однако чаще всего терпят поражение в борьбе с правящим классом в случае создания против них единого фронта элит. Власть гражданского общества является иллюзией, поскольку масса «миноритариев» не способна составить конкуренцию консолидированной элите. Особенно с учетом того, что элита ведет последовательную и достаточно эффективную работу по размыванию основ традиционного гражданского общества.

⁵ <http://dictionary-economics.ru/word/прекариат>

⁶ <http://rian.com.ua/columnist/20151017/375374709.html>

ЛИТЕРАТУРА

1. Павленко В.Б. Глобальная олигархия. Клань в мировой политике: история и современность: [монография] / В.Б. Павленко. — М.: ОГИ, 2015. — 718, [1] с.
2. Ашкеров А. Экспертотократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. — М.: Издательство «Европа», 2009. — 132 с. — (Политучеба).
3. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. — М.: Классика-XXI, 2007. — 421 с.
4. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. Перевод с фр. И. Окуневой. — М.: Гнозис : Прагматика культуры, 2002 — 192 с.
5. Гусев Д.Г., Матвейчев О.А., Хазеев Р.Р., Чернаков С.Ю. Уши машут ослом: современное социальное программирование. — Пермь, 2008. — 202 с.
6. Ашин Г.К. Элитное образование // Общественные науки и современность. — 2005. — № 5.
7. Ашин Г.К. Мировое элитное образование / Г.К. Ашин. — М.: Анкил, 2008. — 360 с.
8. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. — М.: AdMarginem, 2014 — 326 с.

REFERENCES

1. Pavlenko V.B. *Global'naja oligarhiya. Klany v mirovoj politike: istoriya I sovremennost* [Global oligarchy. Clans in world politics: history and modernity.]. Moscow, OGI Publ., 2015. 718 p.
2. Ashkerov A. *Jekspertokratija. Upravlenie znanijami: proizvodstvo I obrashhenie informacii v jepohu ul'trakapitalizma* [Expertocracy. Knowledge management: the production and circulation of information in the era of ultra-capitalism.]. Moscow, Izdatel'stvo «Evropa» Publ., 2009. 132 p.
3. Florida R. *Kreativnyj klass: ljudi, kotorye menjajut budushhee* [The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2007. 421 p.
4. Virilio P. *Informacionnaja bomba. Strategija obmana* [La bombe informatique]. Moscow, Gnozis, Pragmatika kul'tury Publ., 2002. 192 p.
5. Gusev D.G., Matvejchev O.A., Hazeev R.R., Chernakov S.Ju. *Ushi mashut oslom: sovremennoe social'noe programmirovanie* [Ears waving ass: a modern social programming]. Perm, 2008. 202 p.
6. Ashin G.K. Elitnoe obrazovanie [Elite education]. *Obshchestvennye nauki I sovremennost'*. 2005, I. 5
7. Ashin G.K. *Mirovoe elitnoe obrazovanie* [World elite education]. Moscow, Ankil Publ., 2008. 360 p.
8. Standing G. *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2014. 326 p.